

СООБЩЕНИЯ

БОРЬБА ВНУТРИ РУКОВОДСТВА ТАЙПИНОВ И ПЕРЕВОРОТ 1856 года

Ма Хун-мо, В. Н. Никифоров

Переворот 1856 г., приведший к свержению революционного правительства Ян Сю-цина, — один из переломных моментов в истории крестьянской войны 50—60-х гг. XIX в. в Китае. Корни этого события, несомненно, нужно искать в экономических процессах, происходивших на территории, освобожденной тайпинами, в борьбе классов и общественных групп. В настоящем сообщении мы не ставим своей задачей охватить весь круг вопросов, связанных с внутренними противоречиями и борьбой в тайпинском лагере, ограничиваясь рассмотрением более узкой темы — борьбы внутри тайпинского руководства.

Какие группировки сложились к 1856 г. внутри тайпинского руководства, и по каким вопросам возникали между ними противоречия?

Состав тайпинского руководства не был однородным. В «Материалах о положении у разбойников», составленных маньчжурским чиновником Чжан Дэ-цзянем в 1854 г., приводится список руководителей тайпинского государства с краткими биографическими сведениями о каждом. Из 65 человек, перечисленных в списке, 9 — интеллигенты, вышедшие из низов, 4 — странствующие врачи, 2 — мелкие торговцы, 8 вышли из среды помещиков, купцов и ростовщиков (часто трудно определить точную грань между этими общественными прослойками в феодальном Китае), 1 — шэньши (помещик, имевший ученую степень) и 41 человек — выходцы из среды крестьян, ремесленников, угольщиков и шахтеров¹.

Руководящее ядро составляли Хун Сю-цюань, Ян Сю-цин, Сяо Чао-гуй, Фын Юнь-шань, Вэй Чан-хуэй, Ши Да-кай, Цинь Жи-ган, Ху И-хуан². Состав этой

восьмерки в какой-то мере отражает общий социальный состав тайпинского руководства.

Основоположник тайпинского движения, пламенный проповедник Хун Сю-цюань, и его первый сподвижник Фын Юнь-шань, человек кипучей энергии, фактический организатор «Общества поклонения небесному владыке», были сельскими учителями. Как тот, так и другой не смогли занять в то время соответствующего их знаниям и способностям положения, так как на экзаменах, дававших право на получение провинциальных должностей, решающую роль играли взятки экзаминаторам и связи с влиятельными лицами. Близость к жизни народных масс помогла им стать выразителями интересов крестьян, стремившихся к освобождению из-под власти феодалов (маньчжурских и китайских), к установлению на земле, как они говорили, «небесного царства всеобщего равенства».

Сельским учителем был также двоюродный брат Хун Сю-цюаня Хун Жэнь-гань, один из первых, обращенных Хун Сю-цюанем в проповедовавшуюся им новую религию. Имеются данные, что среди участников секты в момент ее возникновения были и другие представители сельской интеллигенции. Но это была лишь небольшая группа застрельщиков движения.

Настоящих успехов движение достигло лишь с момента присоединения к нему представителей других общественных слоев: беднейших крестьян, угольщиков и шахтеров — отдаленных предшественников китайского пролетариата.

Чрезвычайно трудно найти в источниках указания о положении угольщиков и шахтеров в Китае середины XIX века. Мы полагаем некоторыми данными лишь о рабочих одной шахты уезда Лэйян (провинция Хунань). По этим данным, рабочие рекрутировались в основном из трех групп населения: несостоятельных должников,

¹ «太平天國» («Тайпин тяньго»). Сборник материалов по истории тайпинского движения в 8 томах. Т. 3, 1954, стр. 51—72.

² Там же, стр. 45—51.

очутившихся в рабской кабале у ростовщика — владельца шахты; людей, обманом вовлеченных в азартные игры и оказавшихся не в состоянии оплатить свой проигрыш; разоренных крестьян, искавших спасения от голодной смерти (из трех указанных групп только последняя получала какое-то пособие заработной платы). Условия жизни рабочих напоминали тюремные, попытка к бегству каралась жестокими пытками. Труд на шахте был настолько тяжел, что даже самые сильные люди после сколько-нибудь продолжительной работы превращались в инвалидов или умирали³.

Если положение шахтеров было, по существу, почти рабским, то угольщики горных районов провинции Гуанси находились, повидимому, в положении феодально-зависимых крестьян. Однако мы не располагаем такими же достоверными источниками о социальном положении угольщиков, как о шахтерах уезда Лэйян.

Существует рассказ, что Хун Сю-цюань и Фын Юнь-шань, долгое время безуспешно проповедовавшие в различных деревнях провинции Гуанси, собирались уже ни с чем вернуться в родную провинцию Гуандун, как Фын Юнь-шань неожиданно встретил нескольких угольщиков из района Цзыцзиншань. Он познакомил их со своими идеями и встретил с их стороны горячую поддержку. Встреча изменила планы Фын Юнь-шаня; по приглашению угольщиков он отправился с ними в Цзыцзиншань и сделал этот суровый горный район главной базой своей деятельности⁴. Вскоре здесь возникла широко разветвленная тайная крестьянская организация, примкнувшая к «Обществу поклонения небесному владыке». Костяк ее составляли угольщики и шахтеры. Первыми членами общества были 300 семей угольщиков Цзыцзиншаня.

Изменение социального состава участников движения имело своим следствием и изменение в составе его руководства. К участию в руководстве были привлечены угольщики Ян Сю-цин, Сяо Чао-гуй, шахтер Цинь Жи-ган, причем Ян Сю-цин как практический руководитель движения вскоре затмил не только Фын Юнь-шаня, но в

известной степени и Хун Сю-цюаня, а названный брат Ян Сю-цина Сяо Чао-гуй занял в тайпинской иерархии первое место после Хун Сю-цюаня и Ян Сю-цина.

Ян Сю-цин был уроженцем деревни Пынъишань, уезда Гуйпин (провинция Гуанси), отделенной горой от деревни Дачун, в которой Фын Юнь-шань начинал свою проповедь среди угольщиков. О детских и юных годах Ян Сю-цина, будущего «Восточного вана», в тайпинской «Книге об истинном пути господнем» говорится: «Никто не бывал в такой бедности, как Восточный ван, никто не страдал так, как он. Рожденный в горах, потерявший отца в пятилетнем, мать в девятилетнем возрасте, он жил одиноком сиротой, перенес ни с чем не сравнимые тяготы, и вот бог сделал его Восточным ваном, поручив ему помогать истинному императору (Хун Сю-цюаню.— Авторы). Муки закаляли его волю, труд — мускулы, тело его голодало, но это бог лишь испытывал его — так был воспитан богом наш Восточный ван»⁵.

В 1848 г., в отсутствие Хун Сю-цюаня и Фын Юнь-шаня, Ян Сю-цин заявил о «чуде»: бог будто бы на некоторое время сошел на землю и, воплотившись в него, Ян Сю-цина, его устами объявил людям свою волю. Одновременно с богом-отцом на землю будто бы сошел бог-сын, «старший брат» Хун Сю-цюаня Иисус Христос, на время воплотившись в другого виднейшего руководителя угольщиков — Сяо Чао-гуя. Вернувшись Хун Сю-цюань признал все случившееся истинным. С тех пор «сошествие бога на землю» стало время от времени повторяться, причем обычно это явление совпадало с критическими моментами в истории тайпинского движения. Мистическая форма, в которую было облечено возвышение Ян Сю-цина и его группы, не должна нас удивлять. Идеология тайпинов, как и большинства крестьянских движений средневековья, содержала в себе немало религиозных, мистических моментов. Представление, что бог стал время от времени сходить на землю, воплощаясь в Ян Сю-цина, конечно, в огромной степени способствовало увеличению его авторитета. В некотором отношении он занял, таким образом, даже более высокое положение, чем Хун Сю-цюань: последний называл себя лишь «братом» бога (Хун Сю-цюань именовался «вторым братом» в том смысле, что «первый брат» — Иисус

³ «*卞制軍奏議*» («Доклад губернатора (Хунани) Бянь (Бао-ди) императору»). Написан около 1881 г., место и время издания не указаны. Ч. 5, стр. 10.

⁴ 顧文文·金田及之遊其他。(Цзянь Юнь-шань. Поездка в Цзиньтянь и прочее). 1946, стр. 22

⁵ «*太平天國*». Т. 1, стр. 370.

Христос), а Ян Сю-цин получил право говорить от имени самого бога. Это, в частности, давало Ян Сю-цину возможность критиковать и исправлять действия Хун Сю-цюаня в тех случаях, когда он находил их неверными⁷.

Рост влияния Ян Сю-цина и Сяо Чао-гуя отражал реальное положение вещей накануне восстания, когда наиболее активной и организованной силой движения оказались угольщики и шахтеры. После начала восстания роль этой группы в тайпинском руководстве еще больше возросла.

Началом перерастания движения, руководимого «Обществом поклонения небесному владыке», в крестьянскую войну принято считать восстание крестьян и рабочих-угольщиков в деревне Цзиньтянь в 1850 году⁸. Когда началось восстание, Хун Сю-цюань и Фын Юнь-шань скрывались в доме одного из своих видных сторонников — помещика Ху И-хуана, — недалеко от деревни Цзиньтянь. Восстанием в Цзиньтяне непосредственно руководил Ян Сю-цин, его ближайшими помощниками были Сяо Чао-гуй и присоединившийся к восставшим местный богач из народности чжуан Вэй Чан-хуэй (о нем подробнее см. ниже). На помощь восставшим пришли отряды шахтеров под командованием Цинь Жи-гана и переселенцев из провинции Гуандун во главе с Ши Да-каем⁹. Вскоре восстание, к которому массами присоединялись местные крестьяне, получило широкий размах. Повстанцы создали свое государство «Тайпин тяньго» («Небесное государство великого спокойствия») во главе с императором Хун Сю-цюанем, носившим титул «Тянь ван» — «Небесный ван». Другие виднейшие руководители тайпинов также получили титулы ванов.

Вначале пять ванов считались равными друг другу, каждый из них командовал примерно одинаковым соединением войск. В дальнейшем, по мере развития военных действий, общее руководство все больше переходило в руки Ян Сю-цина. 15 августа 1851 г. (19 июля по старому китайскому календарю) указом «Небесного вана» Хун Сю-цюаня войска Сяо Чао-гуя, Фын Юнь-шаня, Вэй Чан-хуэя и Ши Да-кая были официально подчинены Ян Сю-цину; это было подтверждено затем новым указом от 17 ноября (25 сентября).

По свідетельству врагов, Ян Сю-цин был превосходным стратегом, умевшим правильно оценивать обстановку, взвешивать свои силы, быстро маневрировать. Враги с трудом верили, что выходец из низов, не получивший никакого, в том числе военного, образования, мог так искусно командовать. «Казалось,— говорили они,— будто руководит не Ян Сю-цин, а кто-то другой!».

Командование в условиях непрерывных военных действий, при отсутствии стабильной территории, несомненно, означало в тех условиях и сосредоточение в одних руках высшей административной власти. После занятия Нанкина (1853 г.) и завоевания прочно удерживаемой тайпинами территории Ян Сю-цин фактически оставался главнокомандующим и главой правительства тайпинского государства. Многие важнейшие вопросы он решал сам. В отличие от всех остальных тайпинских руководителей Ян Сю-цин не должен был становиться на колени в присутствии императора Хун Сю-цюаня. Недаром враги тайпинов, хорошо знавшие роль Ян Сю-цина в руководстве, обычно называли тайпинское восстание «мятежом Хуна и Яна», считая, что у тайпинов два вождя.

Политика тайпинского правительства в период, когда у власти стояли Ян Сю-цин и его сторонники (1851—1856 гг.), достаточно известна. Тайпины намеревались создать идеальное крестьянское государство. Был издан (1853 г.) и проводился в жизнь «Земельный закон», построенный на принципе уничтожения помещичьего землевладения и передачи обрабатываемой земли крестьянству. Тайпины пытались ввести равенство в области потребления¹⁰. Еще в начале тайпинского движения, после восстания в деревне Цзиньтянь, тайпинами был издан закон о наказании военных, сохранивших у себя собственные деньги. Никто — от главы государства до рядового солдата — не мог иметь частной собственности¹¹.

В период 1851—1856 гг. беспощадно подавлялись контрреволюционные, помещичьи элементы. Эти же годы, особенно 1851—1853, были временем наиболее блистательных побед тайпинской армии над войсками маньчжурских и китайских феодалов. Нельзя, конечно, все эти успехи отнести исключительно за счет деятельности

⁷ См. ниже, стр. 85.

⁸ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. I. М. 1955, стр. 176, 178.

⁹ 簡又文。Указ. соч., стр. 47; «太平天國». Т. 2, стр. 788.

¹⁰ Там же. Т. I, стр. 321.

¹¹ Там же, стр. 155.

Ян Сю-цина и его прямых последователей. Но не случайно, что в период наибольшего подъема революционного движения крестьянских масс во главе тайпинского правительства стоял именно Ян Сю-цин. Мы имеем все основания считать Ян Сю-цина и его группу руководителями радикального крыла тайпинского движения.

Наряду со сторонниками Ян Сю-цина в тайпинском руководстве к 1856 г. сложилась другая группа, находившаяся в определенной оппозиции к тайпинскому правительству. Виднейшими представителями этой оппозиции были выходцы из помещичьих кругов Вэй Чан-хуэй и Ши Да-кай.

Вэй Чан-хуэй присоединился к «Обществу поклонения небесному владыке» до 1847 года. Он принадлежал к знати народности чжуан и проживал в той самой деревне Цзиньтянь, уезда Гуйпин (провинция Гуанси), в которой началось тайпинское восстание. Упомянувшийся уже чиновник маньчжурского правительства Чжан Дэ-цзянь так описывает Вэй Чан-хуэя: «30-ти с лишним лет, маленький, худой, с сильно выдающимися скулами, с реденькими, но красивыми усами и бородкой. Обладает обширными знаниями, хитер, любит действовать исподтишка. Вэй Чан-хуэй — уроженец уезда Бобай (провинция Гуанси). Его основным занятием было содержание ломбарда, в то же время он владел многими землями и был первым богачом в уезде»¹². Один из виднейших вождей тайпинов последнего периода — Ли Сю-чэн — в своих показаниях также указывает, что семья Вэй Чан-хуэя была очень богатой, и добавляет, что Вэй Чан-хуэй был «вхож в власть»¹³. Историк Цзянь Ю-вэнь пишет: «Семья Вэй Чан-хуэя была в своей местности одной из самых богатых. Он имел связи со служащими ямыня и страстно мечтал прославиться...»¹⁴. Однако, исходя из других данных этой книги, можно усомниться в правильности утверждения насчет «связей» Вэй Чан-хуэя с властями. Цзянь Ю-вэнь сообщает о том, как Вэй Чан-хуэй, богатейший в уезде помещик и ростовщик, сам стал жертвой произвола местных властей. Во время празднования 30-летия своего отца Вэй Чан-хуэй устроил роскошный пир, во время которого гости

предподнесли отцу Вэй Чан-хуэя табличку с надписью «Славному цзиньши» и повесили ее на стене. Отец Вэй Чан-хуэя фактически не имел ученой степени цзиньши, которую император присваивал лицам, выдержавшим экзамен в Пекине, что давало право занимать высшие государственные должности. В данном случае обращение «цзиньши» являлось простым выражением высокого уважения к имениннику. Хотя подобное величие было довольно распространённым явлением, местные власти воспользовались этим случаем как поводом для разорения семьи Вэй Чан-хуэя. Шэньши из соседней деревни, Лань Жу-цзянь, имевший низшую ученую степень сюая и связанный с уездным начальством в г. Гуйпине, вместе с неким Дэн Мао-паем, прибыв в деревню Цзиньтянь, сорвали табличку со стены и, как рассказывает автор, перенесли табличку в другое место, «изменили ее цвет»¹⁵. Можно предположить, что досочку перекрасили в желтый цвет. Так как употребление предметов этого цвета разрешалось только императору, то семью Вэй Чан-хуэя можно было обвинить в кощунственном присвоении императорских прерогатив. Если наше предположение является верным, тогда Вэй Чан-хуэй стал жертвой не только произвола, но и прямого подлога.

Все протесты Вэй Чан-хуэя были безуспешны, так как местный начальник — цзюйдун (старший над группой деревень) — был в сговоре с Лань Жу-цзянем. Вэй Чан-хуэй должен был заплатить огромный штраф, его старик-отец подвергся оскорблениям. Не находя нигде управы, Вэй Чан-хуэй стал искать заступничества у руководителей «Общества поклонения небесному владыке», пользовавшихся уже в то время славой защитников всех униженных и оскорбленных. Однако не помогло и заступничество Фын Юнь-шаня, который лично поехал с Вэй Чан-хуэем в уезд¹⁶. Вэй Чан-хуэю оставался единственный путь — путь борьбы, и он примкнул к «Обществу поклонения небесному владыке».

Потому ли, что Вэй Чан-хуэй предоставил в распоряжение Хун Сю-цюаня и его сторонников крупные денежные средства, или потому, что он пользовался, очевидно, большим влиянием среди народности чжуан (есть данные, что Вэй Чан-хуэй привел с собой к тайпинам около тысячи своих

¹² Там же. Т. 3, стр. 47.

¹³ Там же. Т. 2, стр. 788. Ямынь — правительственное учреждение, присутственное место.

¹⁴ 簡又文。Указ. соч., стр. 40.

¹⁵ «Вопросы истории» № 9.

¹⁵ Там же, стр. 40—41.

¹⁶ Там же, стр. 41.

сородичей)¹⁷, но Вэй Чан-хуэй сразу занял видное место среди руководителей восстания.

Мы не имеем данных о каких-либо открытых расхождениях между Вэй Чан-хуэем и Ян Сю-цином по политическим вопросам до 1856 года. Помещик и ростовщик Вэй Чан-хуэй, несомненно, в душе не одобрял многое из практики тайпинов, это доказано всем его последующим поведением. Но, находясь почти все время в Нанкине в качестве ближайшего помощника Ян Сю-цина, «Северный ван» (титул Вэй Чан-хуэя) должен был соблюдать величайшую осторожность. Се Цзе-хэ, живший в Нанкине при тайпинах, говорит о постоянном угодничестве Вэй Чан-хуэя перед Ян Сю-цином. Вэй Чан-хуэй услужливо бросался поддерживать носилки Ян Сю-цина, при беседах с ним он то и дело падал на колени, восклицая: «Не будь указаний четвертого брата (Ян Сю-цина.— *Авторы*), откуда бы я, несведущий, мог знать, как поступать!»¹⁸. Когда старший брат Вэй Чан-хуэя был приговорен к смерти за спор с братом наложницы Ян Сю-цина из-за жилища, Вэй Чан-хуэй угодливо просил казнить брата самой жестокой казнью: разорвать на части пятью лошадьми¹⁹. Однако и после этого Вэй Чан-хуэй не смог завоевать полного доверия Ян Сю-цина²⁰.

Другим выходцем из помещичьей среды в руководстве тайпинов был Ши Да-кай. Он происходил из переселенцев, перебравшихся из провинции Гуандун в Гуанси, и, повидимому, был каким-то руководителем переселенческой общины. Все источники сходятся на том, что семья Ши Да-кай занималась «сельским хозяйством». Видимо, семья была богатой (при вступлении в ряды тайпинов Ши Да-кай передал в их распоряжение «огромную сумму денег»²¹). Несмотря на богатство, Ши Да-кай, как все переселенцы, был ограничен в своих правах. Подобно ряду других тайпинских лидеров, он не смог получить ученую степень (держал ли он когда-либо экзамен, нам неизвестно). О причинах своего присоединения к тайпинам Ши Да-кай в своих показа-

ниях говорит достаточно ясно: «В 29-м году Даогуана (1849 г.— *Авторы*), вследствие того, что коренное население уезда изгнало переселенцев с насиженных мест и мы не имели угла, куда бы могли вернуться, вместе с Хун Сю-цюанем, Ян Сю-цином Вэй Чан-хуэем, Сяо Чао-гуем и Фын Юньшанем — всего нас было шестеро — принялся собирать народ на восстание. Мы выдвинули в качестве нашего главы Хун Сю-цюаня»²². Таким образом, как Вэй Чан-хуэй, так и Ши Да-кай принадлежали к тому слою местных помещиков Гуанси, права которых были в определенной степени урезаны маньчжурскими властями. Вряд ли можно сомневаться, что именно поэтому оба они присоединились вначале к восставшим крестьянам. При дальнейшем расширении и углублении крестьянской борьбы их интересы неминуемо должны были придти в противоречие с антифеодальными стремлениями крестьянства.

Так как находившийся главным образом в боевых частях тайпинов Ши Да-кай пользовался несколько большей самостоятельностью, чем Вэй Чан-хуэй, то о его расхождении с правительством Ян Сю-цина до 1856 г. кое-что известно, хотя это только разрозненные факты.

Ши Да-кай, которому в момент восстания в Цзиньтяне было всего 20 лет, приобрел широкую известность значительно позже, чем Вэй Чан-хуэй. Только в августе 1853 г. Ши Да-кай получил назначение в Аньцин в качестве командующего западного «фронтом». На этом посту он обнаружил, с одной стороны, недюжинные военные дарования, с другой — недостаточно твердое следование основным принципам тайпинской политики.

Несколько позже полководец Цзо Цзун-тан, служивший маньчжурскому правительству, дал Ши Да-каю такую характеристику: «Судя по его действиям, он изо всех сил стремится объединить массы вокруг себя и окружить себя талантливими людьми»²³. Ему не слишком нравятся грубые речи еретиков»²⁴. В другом месте, рассказывая о политике Ши Да-кай на занятой его войсками территории, Цзо Цзун-тан особо отмечает, что Ши Да-кай «прину-

¹⁷ Там же, стр. 42.

¹⁸ «太平天國». Т. 4, стр. 669.

¹⁹ Там же.

²⁰ Чжан Дэ-цзянь уже в 1854 г. писал: «Между разбойником Яном и Вэй Чан-хуэем — взаимные подозрения и зависть; повидимому, вскоре один из них должен проглотить другого» (там же. Т. 3, стр. 48).

²¹ Там же.

²² Там же. Т. 2, стр. 780.

²³ В устах Цзо Цзун-тана термин «талантливые люди» означает прежде всего людей с образованием, выходцев из помещичьей среды.

²⁴ 左戈裏·公全集 («書牘») (Цзо Цзун-тан. Собрание сочинений. Раздел «Письма»). Т. 4, б. м., б. г., стр. 17.

ждал людей, имеющих ученые степени, служить изменникам»²⁵.

Итак, Ши Да-каю приписывается критическое отношение к тайпинам и одновременно стремление окружить себя выходцами из феодальной среды, видимо, ради осуществления каких-то личных честолюбивых целей. Конечно, мнение врага — это еще недостаточное доказательство. Но вот факт, относящийся к политике Ши Да-каю в Аньцине в 1853 году. Уже упоминавшийся нами Се Цзе-хэ в своих «Записках о событиях в Нанкине в 1853—1854 гг.» рассказывает: «В мае 1853 г. Аньцин был снова взят. Осенью Восточный ван прислал Вана-помощника (Ши Да-каю. — Авторы) оборонять город. Ван-помощник несколько изменил суровый режим, установленный Восточным ваном, население провинции Аньхуэй (реакционный автор, разумеется, имеет в виду феодальные элементы. — Авторы) стало страдать меньше. Восточный ван, испугавшись, что Ши Да-каю привлечет к себе людские сердца, очень быстро отозвал его, послав на его место Янь-вана — Цинь Жи-гана. Под тем предлогом, что Северный ван (Вэй Чан-хуэй. — Авторы) крайне перегружен работой, Ян Сю-цин заставил Вана-помощника помогать в делах Северному вану»²⁶. Ши Да-каю находился в Нанкине под непосредственным присмотром Ян Сю-цина около года. Только после того, как Цинь Жи-ган потерпел неудачу в боях, Ши Да-каю был снова восстановлен в качестве командующего западным «фронтом».

Приведенный отрывок убедительно свидетельствует о политических разногласиях, существовавших между Ши Да-каю и правительством Ян Сю-цина. Впоследствии эти разногласия вылились в открытую борьбу Вэй Чан-хуэя и Ши Да-каю против радикального крыла тайпинского движения.

Повидимому, не случайно первая попытка Ши Да-каю изменить «суровый режим»,

²⁵ Там же. Т. 2, стр. 49. В 20-х годах нашего века в уезде Ишань (провинция Гуанси), в пещере дракона, были обнаружены стихи, написанные на стенах пещеры в 1860 году. Авторы стихов — лица из ближайшего окружения Ши Да-каю, подавшие в Гуанси в результате ухода войск Ши Да-каю из тайпинского государства после 1857 года. Изысканный стиль стихов показывает, что окружение Ши Да-каю действительно состояло из высокообразованных людей, несомненно, выходцев из помещичьей среды (см. «太平天國». Т. 2, стр. 883—886; см. также 簡文文. Указ. соч., стр. 79—81).

²⁶ «太平天國». Т. 4, стр. 670.

установленный Ян Сю-цином, относится к 1853 г., то есть ко времени непосредственно после взятия тайпинами Нанкина. Именно после 1853 г. мы впервые можем заметить в тайпинском лагере новые явления, свидетельствующие о некоторой, — может быть, еще слабой — тенденции к возрождению феодальных отношений. Это, разумеется, можно объяснить историческими условиями тайпинского движения. После захвата тайпинами Нанкина и создания прочной опорной базы в бассейне Янцзы особенно остро встали вопросы внутренней политики на территории тайпинского государства. Освобождение крестьян из-под власти помещиков и превращение их в собственников обрабатываемой ими земли создавали благоприятные условия для подъема производительности крестьянских хозяйств, для роста торговли и в конечном счете не могли не вести к возрастанию имущественного неравенства. Уровень производительных сил в Китае середины XIX в. был относительно низким, не было еще развитого капиталистического уклада; в этих условиях накапливавшиеся капиталы могли вкладываться почти исключительно в землю с целью феодальной эксплуатации крестьян. Тайпинское восстание не смогло перерасти в буржуазную революцию, призванную сменить феодальный строй капиталистическим. Это была крестьянская война, расшатывавшая устои феодализма, ускорявшая прогрессивное развитие общества, но по своей природе неспособная разрушить, заменив чем-либо новым, прогнившие феодальные отношения.

Тайпины призывали к установлению на земле всеобщего равенства. Но после основания ими столицы в Нанкине имущественное и правовое неравенство среди самих тайпинов стало быстро расти. Не только Хун Сю-цюань, но и все другие видные руководители тайпинов построили себе роскошные дворцы, завели гаремы. Есть сведения, что Вэй Чан-хуэй ради личной наживы через подставных лиц вел крупную оптовую торговлю²⁷.

Правда, сообщаящий об этом источник — «Неофициальная история Тайпин тьянго», — в общем, очень ненадежен, однако данный факт, учитывая всю прошлую и позднейшую деятельность Вэй Чан-хуэя, кажется весьма правдоподобным. К этому же времени относится, как мы видели,

²⁷ «太平天國野史» («Неофициальная история Тайпин тьянго»). Т. 12, стр. 18.

попытка Ши Да-кая «несколько изменить» (явно в сторону «смягчения») «суровый режим», установленный Ян Сю-цином.

Часть тайпинов стала разочаровываться в политике своего руководства, чем поспешили воспользоваться агенты маньчжурского правительства. Об этом свидетельствуют данные источников, в которых излагаются факты, относящиеся к 1853 г.: «Когда разбойники (речь идет о тайпинах.— *Авторы*) захватили Учан, они привлекли на свою сторону лодочников провинций Хунань и Хубэй — в общей сложности несколько тысяч лодок,— говоря этим людям примерно так: «Пусть только Небесный ван достигнет Малого рая (Нанкина.— *Авторы*) и вступит на престол, тогда, если вы не захотите стать чиновниками, то сможете вернуться по домам». Многие лодочники из Хубэя и Хунани имели семьи, могли плыть, не разлучаясь, вместе с женами. Когда достигли Нанкина, тайпины отказались от прежних обещаний... Эти люди были разочарованы, шумно выражали недовольство, и тут, говорят, возникла измена. Восточный ван поспешил издать указ, чтобы успокоить людей, но и это не могло еще убедить лодочников»²⁸.

«Лодочники из Хунани и Хубэя и их семьи, а также некоторые гуансийцы тайно сговорились между собой, скрепив соглашение кровью, выбрать удобный момент, перебить разбойников и доложить об этом командованию Больших лагерей (войска цинского правительства.— *Авторы*). Но прежде чем восстание могло начаться, один из руководителей в пьяном виде потерял список участников заговора, разбойники нашли этот список и представили Восточному вану. Восточный ван пришел в величайшую ярость и со всей серьезностью отнесся к этому делу. Несколько тысяч человек было казнено. Однако, хотя данная попытка была открыта, после этого брожение в умах не прекращалось»²⁹.

Используя незатухавшее недовольство, тайный агент цинского правительства, служивший в тайпинской армии, Чжан Цзи-гэн организовал в Нанкине заговор с целью поддержать изнутри наступавшие на Нанкин части цинского генерала Сян Жуна. По словам Чжан Цзи-гэна, в заговоре участвовало 5 тыс. человек, в другом письме он указывает еще большую цифру — 6—7 тыс., среди которых были некоторые генералы и

офицеры тайпинской армии³⁰. Заговор этот был также раскрыт тайпинами в 1854 г. и разгромлен, а Чжан Цзи-гэн казнен³¹.

Укажем еще на один характерный факт. Именно после 1853 г. победы тайпинских войск на фронтах стали менее значительными и начали чередоваться с поражениями. Северный поход (поход на Пекин) в 1853—1854 гг. закончился полной неудачей главным образом из-за недостаточной поддержки тайпинов крестьянскими массами Северного Китая. В то же время в тылу тайпинов появился новый грозный враг: на территории, через которую, не закрепившись, прошли тайпины в 1852 г., сплотились китайские помещики и создали так называемую Хунаньскую армию. Под руководством известного реакционера Цзэн Го-фаня, воспитавшего целую группу таких палачей и предателей Китая, как Ли Хун-чжай, Цзо Цзун-тан, Цзэн Го-цюань и другие, Хунаньская армия превратилась в опасного противника тайпинского государства. Борьба тайпинских войск на западном «фронте» против Хунаньской армии (одним из главных объектов этой борьбы был район Уханя) отличалась большой жестокостью и продолжалась с переменным успехом несколько лет.

Нельзя не видеть, что приведенные факты свидетельствуют об известном замедлении темпов тайпинского движения, об охлаждении симпатий части крестьян (как внутри тайпинского государства, так и за его пределами) к тайпинам. Конечно, во всяком крестьянском движении, лишенном руководства пролетариата и потому неспособном довести до конца осуществление требований крестьянства, не может не возникнуть рано или поздно разочарование широких масс. С другой стороны, неизбежным было восстановление феодальных отношений, если уровень производительных сил в стране недостаточен, чтобы обеспечить замену феодальных производственных отношений капиталистическими. В этом и заключалась трагедия тайпинского восстания, подобно многим крестьянским антифеодальным движениям в других странах. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, правительство Ян Сю-цина стремилось противодействовать наметившейся тенденции к реставрации феодальных отношений, грозившей подточить основы могущества тайпинского государства. Мы видели, что Ян Сю-цин немедленно отозвал Ши

²⁸ «太平天國». Т. 4, стр. 699.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 762, 770.

³¹ Там же, стр. 756.

Да-кая, как только тот в своей политике в провинции Аньхуэй пошел на какие-то уступки феодальным элементам. Имеются и другие данные, подтверждающие эти стремления Ян Сю-цина. Таков, например, опубликованный тайпинским правительством «Второй манифест о сошествии бога на землю», относящийся примерно к 1853 или 1854 году.

В этом любопытном документе подробно описывается очередное «воплощение» божества в Ян Сю-цина и то, как «бог» устали Ян Сю-цина критикует смиренно слушающего его Хун Сю-цюаня. Что советует Ян Сю-цин «Небесному вану»? Император в своих решениях должен прислушиваться к голосу окружающих министров. Император должен поощрять заслуги женщин, служащих во дворце, и, в частности, раз в 1,5 месяца, в месяц или в 20 дней разрешать им отлучаться домой. Он не должен лично заниматься перестройкой своего дворца, поручив это дело женщинам-служащим. Нужно милостиво обращаться с женами, нельзя их «бить носком сапога»³².

Особенно важно отметить, что Ян Сю-цин, этот, по мнению реакционных историков прошлого, зверь в образе человеческом, предостерегал Хун Сю-цюаня против возможного произвола при наказании провинившихся чиновников: «Например, чиновники — мужчины или женщины — совершили преступления, которые караются смертью. Естественно, Второй брат (Хун Сю-цюань. — Авторы) приговорил их к смерти, чтобы выполнить небесный закон и предотвратить повторение подобных преступлений. Однако я, младший брат, тщательно подумав, считаю, что, конечно, среди этих людей есть такие, которые стократ заслуживают смерти, но, боюсь, есть и люди, не заслужившие столь сильной кары. Если их казнить, мы допустим ошибку». И Ян Сю-цин просит Хун Сю-цюаня передать ему дела осужденных для тщательной проверки с тем, чтобы потом еще раз представить на утверждение Хун Сю-цюаня, кого казнить, а кого, может быть, и помиловать³³.

Во всех своих поучениях Ян Сю-цин предстает перед нами как политик с широким кругозором, умеющий смело говорить правду в глаза, сторонник внимательного и гуманного отношения к подчиненным, противник произвола, чрезмерного увлечения дворцовой роскошью. Конечно, такой глава правительства не мог удовлетворить те эле-

менты среди тайпинов, которые были заинтересованы в возрождении феодальных отношений, прежде всего отдельных представителей помещичьего класса, примкнувших к тайпинам, вроде Вэй Чан-хуэя и Ши Да-кая. Под властью Ян Сю-цина, крепко державшего бразды правления, они долго не смели открыто выражать свои стремления. Однако пришло время, и они сказали свое слово.

До осени 1856 г. ненависть представителей этой части движения к правительству Ян Сю-цина прорывалась наружу лишь изредка. Не была ли, в частности, упоминавшаяся выше ссора «из-за жилища» брата Вэй Чан-хуэя с братом наложницы Ян Сю-цина одним из таких косвенных проявлений нарастающей враждебности между двумя группировками?

Итак, с одной стороны, стремление восставшего крестьянства уничтожить феодальный гнет, с другой — постепенно намечающаяся тенденция к возрождению феодальных отношений. Первая тенденция внутри тайпинского руководства наиболее ярко представлена Ян Сю-цином и его группой, вторая — Вэй Чан-хуэем и Ши Да-каем, феодальными попутчиками крестьянской войны. К 1856 г. столкновение этих двух тенденций и, следовательно, этих двух группировок сделалось неизбежным.

К концу лета 1856 г. положение на театре военных действий складывалось в пользу тайпинов. Несмотря на неудачу Северного похода 1853—1854 гг. и тяжелую борьбу на западе с Хунаньской армией Цзэн Го-фаня в 1854—1856 гг., тайпинская армия еще раз перехватила инициативу в свои руки. Но военные успехи не могли быть закреплены, так как внутри тайпинского лагеря к этому времени уже созрел контрреволюционный заговор против правительства Ян Сю-цина.

В показаниях Ли Сю-чэна говорится: «Вэй Чан-хуэй с Ши Да-каем и Цинь Жиганом втихомолку договорились вести дело сообща. За последнее время гнет со стороны Восточного вана перешел все границы, в сердцах всех троих накопилась ненависть; на словах покорные, в душе они кипели гневом... Ван-помощник и Северный ван тайно решили убить Восточного вана и трех его братьев»³⁴.

Напомним, что после снятия Ян Сю-цином Ши Да-кая с поста командующего западным «фронтом» Ши Да-кай и Вэй Чан-хуэй около года сотрудничали вместе в

³² Там же. Т. 1, стр. 23—56.

³³ Там же, стр. 34—35.

³⁴ Там же. Т. 2, стр. 791—792.

Нанкине. Законно предположить, что уже тогда между этими двумя людьми, выходящими из помещичьего класса, протянулись некие нити, не порывавшиеся затем вплоть до сентября 1856 года. Не удивительно, что сторонник «смягчения» революционной политики Ши Да-кай (к тому же «обиженный» в тот момент правительством Ян Сю-цина) смог быстро найти общий язык со скрытым контрреволюционером, жадным стяжателем Вэй Чан-хуэй.

Некоторое удивление может вызвать участие в заговоре третьего видного деятеля тайпинского государства — Цинь Жи-гана. Причины его перехода на сторону заговорщиков до сих пор не ясны. Во всяком случае, он тоже принадлежал к числу «обиженных» Ян Сю-цином, так как был за поражения понижен в должности, лишен титула вана, который он одно время носил.

Накануне выступления все руководители заговора находились вне столицы, в армии: Ши Да-кай — на западном «фронте» в провинции Хубэй; Вэй Чан-хуэй — в провинции Цзянси, Цинь Жи-ган — в уездном городе Даньяне (провинции Цзянсу). Вероятно, между заговорщиками и вне столицы существовала какая-то связь.

Правительство Ян Сю-цина не имело представления о грозившей ему опасности: события, как мы увидим ниже, застigli его врасплох. Но отдельные сигналы об обострении внутренних противоречий в тайпинском лагере, очевидно, поступали. По крайней мере, в показаниях Ши Да-кай говорится: «Вэй Чан-хуэй обратился к Хун Сю-цюаню с просьбой казнить Ян Сю-цина. Хун Сю-цюань не только отверг это предложение, но, напротив, еще более возвеличил Ян Сю-цина. Вэй Чан-хуэй, недовольный этим, организовал убийство Ян Сю-цина»³⁵.

Говоря о «еще большем возвеличении Ян Сю-цина», Ши Да-кай явно имеет в виду следующее: примерно во второй половине августа 1856 г., после блестящей победы тайпинских войск над маньчжурской армией в районе Нанкина, Хун Сю-цюань издал указ, по которому впредь по отношению к Ян Сю-цину всеми его подчиненными должно было употребляться обращение: «10 000 лет жизни Восточному вану!»³⁶.

³⁵ Там же, стр. 781.

³⁶ До этого обращения «10 000 лет» употреблялось только по отношению к «Небесному вану» Хун Сю-цюаню. Обращаясь к Ян Сю-цину, говорили: «9 000 лет жизни», к Сяо Чао-гую — «8 000 лет жизни» и т. д.

Исходила ли инициатива «возвеличения» от Хун Сю-цюаня или от самого Ян Сю-цина, не ясно; во всяком случае, эта мера, конечно, была направлена на дальнейшее укрепление власти Ян Сю-цина. Она не могла не встревожить заговорщиков, толкая их тем самым на скорейшее выступление. Они поспешили распустить слух, будто Ян Сю-цин силой заставил императора провозгласить ему «10 000 лет жизни», будто Ян Сю-цин строил козни против Хун Сю-цюаня, собираясь свергнуть его и занять престол. Ирландец Кэнни, находившийся в Нанкине в момент переворота, рассказывает: «Все верили, что он (Ян Сю-цин.— Авторы) изменник, что он пытался убить императора и захватить престол, но был выдан одним высоким сановником, который тайно доложил обо всем императору, самоотверженно взяв на себя миссию избавления от изменнической партии»³⁷. Кэнни, конечно, был осведомлен несравненно хуже, чем видный участник описываемых событий Ши Да-кай. Кэнни рассказывает не о проверенных фактах, а о том, во что в то время в Нанкине «все верили». Поскольку, кроме единственного факта о присвоении Ян Сю-цину права на обращение «10 000 лет жизни», источники не дают ни малейших оснований для обвинений его в заговоре, следует полагать, что эти слухи были явной клеветой противников Ян Сю-цина³⁸.

Не ясна роль самого Хун Сю-цюаня в подготовлявшихся событиях. Кэнни говорит, что Хун Сю-цюань издал приказ (оче-

³⁷ Журнал «遼經» («Ицзин»). 1937, № 33, стр. 19.

³⁸ Видный китайский марксистский историк Люй Чжэн-юй, правильно оценивающий роль Ян Сю-цина в тайпинском движении, пишет по поводу событий 1856 года: «В качестве главной причины междоусобной борьбы большинство историков называет борьбу за власть между Ян Сю-цином и Хун Сю-цюанем. Это неверно. Тайпинские документы показывают, что Ян Сю-цин обладал высокими талантами политического, военного и организационного руководителя. Когда он, от лица бога, отечески критиковал и упрекал Хун Сю-цюаня, эта критика обычно оказывала положительное воздействие... Вэй Чан-хуэй, помещик, не утративший в рядах революционеров своей прежней классовой природы, всегда искавший удобного момента и организовавший собственную секту, использовал благоприятную обстановку и устроил мятеж, чтобы уничтожить революцию» (吕振羽·論太平天國革命運動—Люй Чжэн-юй. О революционном движении тайпинцев. В сборнике «史學研究論文集» — «Статьи об изучении истории». 1954, стр. 145).

видно, тайный) об убийстве Ян Сю-цина и его сторонников; заговорщики действовали в соответствии с императорским приказом. Но Кэнни, как мы уже говорили, — свидетель ненадежный. Ши Да-кай в приведенной выше цитате утверждает обратное: что заговорщики действовали прямо вопреки воле Хун Сю-цюаня. Правда, нельзя до конца верить и Ши Да-каю, который впоследствии особенно возненавидел Вэй Чан-хуэя и, быть может, не прочь был обвинить его в чем угодно, в том числе и в нарушении императорской воли. Оставляя вопрос о позиции Хун Сю-цюаня открытым, мы можем констатировать одно: Хун Сю-цюань в тех условиях был или бессилён, или намеренно держался в тени, заговорщики же стремились всех убедить в том, что они действуют якобы по велению императора.

В один из первых дней сентября (по мнению некоторых китайских исследователей, 5 или 6 сентября) 1856 г. глубокой ночью Вэй Чан-хуэй с отрядом в 3 тыс. с лишним человек вступил в Нанкин через южные ворота (Цинь Жи-ган несколько запоздал, а Ши Да-кай, находившийся дальше всех от столицы, не успел принять участия в перевороте). Мятежники окружили дворец Восточного вана, здания, где жили его сторонники, и приступили к жестокой расправе, пустив в ход не только ружья, но и пушки. Были убиты Ян Сю-цин, его жена и дочери, один из его братьев, тысячи его сторонников³⁹. Утром следующего дня упоминавшийся выше Кэнни и его спутники увидели страшную картину: «...вдоль дороги повсюду валялись трупы, приходилось идти по лужам крови. Придя на место, они застали здесь полный хаос. Среди групп, сваленных в кучу, они узнали многих знакомых им людей, здесь же, как они полагали, лежало тело Восточного вана»⁴⁰.

Среди совершивших переворот людей Вэй Чан-хуэя выделялся некий Сюй Цзун-ян. В прошлом, командуя войсками, он несколько раз преступно упустил возможность разбить армию маньчжурского правительства, затем, потерпев поражение, бросил войско и бежал с поля боя, за что по приказу Ян Сю-цина был арестован и заключен в Восточную тюрьму в Нанкине. Из тюрьмы его выручило заступничество Вэй Чан-хуэя, который, очевидно, заранее подбирал и группировал вокруг себя всякого рода контрреволюционные и враждебные

Ян Сю-цину элементы. С тех пор Сюй Цзун-ян служил в личной охране Вэй Чан-хуэя. В ночь переворота он был в первых рядах заговорщиков, ему удалось обнаружить Ян Сю-цина (который пытался спрятаться), схватить его и притащить к Вэй Чан-хуэю на расправу⁴¹. Трусливый и безинициативный в войне с маньчжурами, Сюй Цзун-ян обнаружил немалую энергию в свержении революционного правительства. Из таких людей состояло ядро контрреволюционных отрядов Вэй Чан-хуэя.

Труднее установить, кто в эту роковую ночь сражался на стороне Ян Сю-цина. Из известных тайпинских руководителей тут не было никого: позиция Хун Сю-цюаня не ясна, Сяо Чао-гуй и Фын Юнь-шань погибли в боях еще в начале тайпинского восстания; Ху И-хуан умер от болезни до событий 1856 года.

Известно, что на стороне Ян Сю-цина было много тысяч солдат, офицеров и гражданских чиновников, составлявших основные кадры тайпинского государства. Кэнни считал, что к моменту переворота в Нанкине имелось 20—30 тыс. активных приверженцев Восточного вана⁴². Более многочисленные вначале, чем их враги, сторонники Ян Сю-цина были, однако, застигнуты врасплох, сразу же лишены руководства и в течение нескольких дней, несмотря на стойкое сопротивление, были постепенно истреблены. «Записки о страданиях, перенесенных в Нанкине» — документ, написанный врагами, — приводят имена некоторых из этих скромных героев: «Тайпинский князь Лю Шао-тин был сановником палаты Восточного вана, тайпинский князь Цзи Чэн-цзы — сановником двора Восточного вана, тайпинский князь Фу Сюэ-сянь — сановником по делам культуры при Восточном вана, тайпинский князь Ли... — тайпинским правительственным врачом, лечившим разбойника — Восточного вана»⁴³. Из перечисленных четырех человек личность одного (Цзы Чэн-цзы) пока не поддается проверке. Князь «Ли...» — это Ли Цзюнь-лян, «Лю Шао-тин» — на самом деле Лю Чжао-тин. Эти два человека, как и Фу Сюэ-сянь, присоединились к тайпинскому восстанию еще в Гуанси, пережили сотни боев и опасностей. Ли Цзюнь-лян в 1851 г. был лишь мелким военным чиновником, а к моменту переворота уже имел высокий титул князя. Реакционный автор «Записок», на-

⁴¹ «太平天國». Т. 4, стр. 640.

⁴² «逸經». 1936. № 17, стр. 24.

⁴³ «太平天國». Т. 4, стр. 645.

³⁹ См. «太平天國». Т. 4, стр. 703.

⁴⁰ «逸經». 1937. № 33, стр. 19.

зав их имена, бесстрашно продолжает: «Эти четыре разбойника, принадлежавшие к партии, руководимой Восточным ваном, теперь убиты разбойником Вэй Чан-хуэем, а кроме них, убито множество других тайпинских князей, неизвестных по фамилиям и именам...»⁴⁴.

Вэй Чан-хуэй превзошел самого себя в искусстве кровавой расправы и провокаций. Плодом его изощренной фантазии явилась комедия, разыгранная им для выявления уцелевших и еще оказывавших сопротивление сторонников Ян Сю-цина. Женщины-служачие зачитали с помоста перед дворцом Хун Сю-цюаня «императорский указ», осуждавший Вэй Чан-хуэя за убийство некоторых невинных людей и предписывавший наказать его 400 ударами плетью. Сторонники Ян Сю-цина приглашались смотреть на наказание. Указ должен был создать впечатление, что реальная власть находится в руках Хун Сю-цюаня и что кровавому террору положен конец. Поведав этому, многие уцелевшие сторонники Ян Сю-цина, по словам Кэнни, «пять, шесть тысяч человек», вышли из своих убежищ и сложили оружие. После этого, рассказывал Кэнни, «ни один из них не избежал смерти... каждый день арестовывали и убивали множество людей, не щадили детей, грудных младенцев, трупы сваливали в кучу, убийства продолжались три дня без перерыва...»⁴⁵.

Правительство Вэй Чан-хуэя и Цинь Жигана, державшееся только при помощи жесточайшего террора, просуществовало меньше двух месяцев, вызвав по отношению к себе всеобщую ненависть. Даже участник заговора Ши Да-кай, находившийся во время переворота вне Нанкина и потому несший меньшую ответственность за бесчисленные жертвы, резко выступил против Вэй Чан-хуэя, упрекая его за массовые убийства. По прибытии Ши Да-кай в Нанкин между ним и Вэй Чан-хуэем произошел разрыв. Ши Да-кай покинул Нанкин. Вэй Чан-хуэй послал за ним отряд во главе с Цинь Жиганом. Погоня, однако, не увенчалась успехом. Озлобленный Вэй Чан-хуэй казнил оставшуюся в столице семью Ши Да-кай.

Кэнни сообщает, что Ши Да-кай, вернувшись к армии, потребовал казни Вэй Чан-хуэя; после некоторых колебаний Хун Сю-цюань, увидев, что вся армия поддерживает Ши Да-кай, согласился с его требо-

ваниями⁴⁶. Повидимому, Кэнни и в этом случае переоценивает роль Хун Сю-цюаня в происходивших событиях. Характерно, что Ли Сю-чэн, который в своих показаниях изображает падение правительства Вэй Чан-хуэя как результат единодушного выступления всех недовольных гнетом этого правительства, даже не упоминает при этом имени Хун Сю-цюаня. Фраза, что только после убийства Вэй Чан-хуэя «сердца людей успокоились»⁴⁷, наводит на мысль о роли, которую сыграло в этом перевороте (в ноябре 1856 г., точная дата неизвестна)⁴⁸ возмущение широких масс.

После свержения Вэй Чан-хуэя Ши Да-кай, сохранивший свою популярность в народе и особенно в армии, вернулся в Нанкин. «Сановники единодушно выдвинули Вана-помощника на пост главы правительства, народные массы радостно приветствовали это выдвижение»⁴⁹. Однако создать стабильное правительство уже было невозможно. Положение на фронтах после свержения правительства Ян Сю-цина резко изменилось к худшему. Клика последователей Вэй Чан-хуэя встала на путь прямой измены. Вскоре после падения Северного вана, в декабре 1856 г., брат Вэй Чан-хуэя, видный тайпинский генерал Вэй Цюнь, сдал врагу Учан — важнейший оплот тайпинов на западном направлении. Нет сомнения, что сделал он это умышленно, особенно если учесть, что позже, в октябре 1859 г., Вэй Цюнь открыто перешел на сторону маньчжур. Внутри центрального тайпинского руководства шла скрытая борьба. Ши Да-кай, продержавшись у власти немногим дольше Вэй Чан-хуэя, порвал с тайпинским государством и в июне 1857 г. покинул Нанкин вместе со своими сторонниками, увозя с собой главные силы тайпинской армии. После ухода этих войск в распоряжении тайпинского правительства оставались, по словам Ли Сю-чэна, только слабые и старые солдаты⁵⁰. Покидая Нанкин, Ши Да-кай опубликовал воззвание, в котором объяснял свой уход отсутствием «должного понимания», «подозрениями и завистью» со стороны Хун Сю-цюаня⁵¹.

Как известно, Ши Да-кай во главе сильной армии в течение трех лет (1858—1860 гг.) действовал в провинции Гуанси,

⁴⁶ «逸經». 1937. № 33, стр. 21.

⁴⁷ «太平天國». Т. 2, стр. 792.

⁴⁸ «逸經». 1936. № 17, стр. 25.

⁴⁹ «太平天國». Т. 2, стр. 792.

⁵⁰ Там же, стр. 794.

⁵¹ Там же, стр. 694.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «逸經». 1936, № 17, стр. 24.

однако не смог создать себе прочной территории базы; напротив, его армия стала распадаться. Затем он с остатками войск проделал еще более далекий и трудный путь в Сычуань. Ничего не достигнув, вдали от своих бывших соратников, Ши Да-кай был разбит при переправе через реку Даду, взят в плен и казнен маньчжурскими феодалами (1863 г.).

Ши Да-кай пытался уверить себя, что причина распада его армии заключалась в том, что солдаты, происходившие из разных провинций, стремились вернуться домой⁵². Дело, конечно, не в этом. Скорее, политика Ши Да-кай и его окружения, «резко изменившихся»⁵³ строй и законы тайпинов, лишила их поддержки народных масс. Дело, видимо, в том, что Ши Да-кай отказался от удовлетворения основных требований крестьянства, прежде всего в аграрном вопросе.

После событий 1856 г. на основной территории тайпинского государства не было такой авторитетной и устойчивой власти, как прежнее правительство Ян Сю-цина. В разных районах часто проводилась различная политика, а иногда в одном и том же районе политика неоднократно менялась на протяжении нескольких лет.

Нам не удалось найти в источниках точных указаний на то, когда именно была разрушена тайпинская система общественной собственности, с каких пор и насколько перестал соблюдаться аграрный закон. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования. Но несомненно, что переворот 1856 г. создал благоприятные условия для дальнейшего развития реакционных тенденций, для постепенной реставрации феодальных отношений. Достаточно привести в пример раздачу титулов. Если накануне переворота 1856 г. оставалось всего четыре вана (считая в том числе «Небесного вана» — Хун Сю-цюаня), то вскоре их стало более 2,700 человек⁵⁴. Складывалось целое привилегированное сословие ванов.

Наряду с этим, однако, среди тайпинов не только сохранились, но и продолжали активно проявлять себя революционные тенденции. Больше того, в 1858—1861 гг., несомненно, укрепляется левое крыло тай-

пинов. Об этом свидетельствует военная и государственная деятельность выдающихся полководцев тайпинской армии Ли Сю-чэна и Чэнь Юй-чэна, которые в своей политике выступали как фактические продолжатели линии Ян Сю-цина. Многочисленные свидетельства источников показывают, что антифеодальные тенденции имелись в тайпинском движении и после переворота 1856 года. Очевидно, наиболее революционное крыло в тайпинском движении не только не было полностью истреблено в 1856 г., но сохранялось вплоть до окончательной гибели тайпинского государства, все время оставаясь становой хребтом его обороны. Хотя по мере усиления феодальных элементов среди тайпинов и по мере ухудшения положения на фронте количество измен среди тайпинского руководства увеличивалось, Хун Сю-цюань, Ли Сю-чэн и другие несли тайпинское знамя до самого конца, до падения Нанкина в 1864 г., и героически отдали свои жизни за дело освобождения китайского народа.

Несмотря на отрицательные моменты, имевшиеся в Нанкине в последний период, мы все же должны отметить, что положение в районах, подчиненных тайпинскому правительству, было лучшим, чем положение в районах действия войск Ши Да-кай. Поэтому сомнительно, чтобы Ши Да-кай покинул Нанкин из-за гнета Хун Сю-цюаня и его братьев. Не вернее ли предположить, что для Ши Да-кай обстановка в Нанкине даже после 1856 г. казалась еще слишком революционной?

При всем этом мы, конечно, не можем ставить Ши Да-кай и его сторонников на одну доску с кликой Вэй Чан-хуэя, избравшей путь лютой борьбы против народа и кончившей открытым предательством. Ши Да-кай до самого конца сражался против маньчжурского правительства и пал в борьбе за правое дело.

Тайпинское движение погибло, ослабленное внутренними противоречиями, зверски задавленное англо-франко-американскими интервентами, маньчжурским правительством и китайскими помещиками типа Цзэн Го-фаня. Однако оно оставило неизгладимый след в истории Китая. Не забыты и никогда не будут забыты имена тайпинских вождей. Одним из первых, если не первым среди них, является славное имя Ян Сю-цина.

⁵² Там же, стр. 781.

⁵³ «近代史資料» («Материалы по новой истории»). 中國科學院出版社。北京。1955.

№ 3, стр. 6—7.

⁵⁴ «太平天國». Т. 2, стр. 857.